

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СТАНДАРТА ОБОСНОВАННОСТИ ПРИНЯТИЯ СУДОМ РЕШЕНИЯ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ЛИЦА, ОБВИНЯЕМОГО (ПОДОЗРЕВАЕМОГО) В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПОД СТРАЖУ

Рассматриваются требования к обоснованности решения об избрании и продлении меры пресечения в виде заключения под стражу. На основе анализа доктринальных положений, решений российских судов, позиций Европейского Суда по правам человека выделены условия применения заключения под стражу и обязанности суда при решении данного вопроса.

Ключевые слова: заключение под стражу; разумное подозрение; обоснованность подозрения; международно-правовой стандарт; позиции Европейского суда по правам человека.

Ввиду исключительности меры пресечения в виде заключения под стражу Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) предъявляет повышенные требования к обоснованности принятого судом решения. При этом в подпункте «с» § 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод особое внимание обращается на наличие «разумного подозрения». Именно это понятие является ключевым для выработки международно-правового стандарта обоснованности принятия решения о заключении лица под стражу. Между тем необходимо отметить, что оно представляет наибольшую актуальность и дискуссионность как в теории, так и на практике.

Согласно позициям ЕСПЧ наличие разумного подозрения, что лицо совершило преступление, является необходимым условием для избрания и продления меры пресечения в виде заключения под стражу [1. § 114]. Обоснованное подозрение является, по мнению руководства ряда судов субъектов Федерации, существенным и необходимым признаком, без которого невозможно применение какой-либо меры пресечения, особенно заключения под стражу. Это своего рода фильтр, который позволяет избежать необоснованного заключения под стражу.

По мнению некоторых авторов, первым условием для заключения под стражу является «оценка в определенной степени *обоснованности обвинений* (выделено нами. – А.З.)» [2. С. 271].

Обязанность суда проверить доказанность наличия обоснованного подозрения лица в совершении преступления при решении вопроса об избрании / продлении меры пресечения в виде заключения под стражу следует из правовых позиций как ЕСПЧ [3. § 202], так и Конституционного Суда РФ [4]. В п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 41 от 19 декабря 2013 г. разъясняется, что обязанность проверять обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению лежит непосредственно на самом суде при рассмотрении ходатайства о мере пресечения. Обоснованное подозрение предполагает наличие достаточных данных о том, что лицо могло совершить преступление (об имевшем место событии преступления и о причастности к нему подозреваемого).

Отечественная правовая доктрина испытывает определенные колебания относительно стандарта обоснованности подозрения (обвинения), при нали-

чий которого возможно принятие решения о заключении под стражу.

Уголовно-процессуальное законодательство и позиции высших судебных инстанций едины в том, что суды должны подходить к определению обстоятельств, указанных в ст. 97 УПК РФ, не формально, а по существу. Тем самым усиливается правозащитный эффект этих правовых предписаний и, значит, ограничивается применение заключения под стражу.

В уголовно-процессуальной литературе предложение о придании обоснованному подозрению (обвинению) значения самостоятельного «основания» не раз подвергалось критике [5. С. 80]. Между тем, на наш взгляд, вопрос о квалификации правовой конструкции «обоснованное подозрение»: условие или основание, не столь уж и важен. Важно то, что наличие обоснованного подозрения в любом случае не должно рассматриваться в качестве основания для заключения под стражу.

Как указывается в современной уголовно-процессуальной литературе, стандарт доказанности для определения обоснованного подозрения гораздо мягче, чем для постановления обвинительного приговора. Стандарт доказывания «разумного подозрения» для целей ареста значительно более низкий, чем стандарт доказывания в самом уголовном процессе [2. С. 271].

Некоторые специалисты под «разумным подозрением» понимают «возможную причастность лица к преступлению». Очевидно, что на данном этапе вина этого лица еще не доказана – не собрано достаточно доказательств, не проведено полноценное слушание и т.д. Достаточно косвенных улик, чтобы обосновать необходимость предварительного заключения лица, в то время как их может быть явно недостаточно для того, чтобы вынести обвинительный приговор [6. С. 57].

Это вполне соответствует позиции Конституционного Суда РФ, который в определении от 12 июля 2005 г. № 330-О указал: «Факты, обосновывающие подозрение при применении ареста, не обязательно должны обладать той же степенью убедительности, что и те, которые необходимы для предъявления обвинения следующего этапа в процессе следствия по уголовному делу».

Более близка к анализируемому стандарту позиция тех, кто является приверженцем теории о «стандартах доказанности», «степени убедительности» фактов, подтверждающих обоснованность подозрения, и фак-

тов, достаточных для постановления обвинительного приговора, которые имеют место в классическом учении о доказательствах. По словам М.А. Никонова, если виновность лица в совершении преступления должна быть доказана «beyond reasonable doubt» (вне разумных сомнений), то обоснованность подозрения проверяется «здесь и сейчас», что не предопределяет дальнейших решений по делу: если, например, суд при избрании или продлении меры пресечения в виде заключения под стражу счел, что обоснованность подозрения не установлена, это не препятствует сотрудникам правоохранительных органов продолжать расследование [6. С. 58].

В этом же направлении рассуждают и авторы «Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права России». В их определении «обоснованное предположение» – это «предусмотренный настоящим Кодексом (первый) необходимый доказательственный стандарт для производства следственных действий, ограничивающих конституционные права личности, или применения мер процессуального принуждения, представляет собой такую совокупность фактических данных, которые привели бы объективного здравомыслящего человека к выводу о возможности совершения преступления подозреваемым лицом» [7. С. 12].

Приведем примеры выполнения судами на практике этого стандарта, который в своей основе имеет положения ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и решения ЕСПЧ. Так, в постановлении Борского городского суда Нижегородской области от 19.05.2015 г. об избрании подозреваемому Кириченко К.В. меры пресечения в виде заключения под стражу суд, обосновывая подозрения Кириченко в краже чужого имущества, указал следующее: «...обоснованность подозрения Кириченко подтверждается показаниями Волкова, Ионовой, Люлюкиной, указавших на Кириченко как на лицо, совершившее преступление, а также показаниями свидетеля Панковой, указавшей, что Кириченко сбывал ей похищенное» [8]. В постановлении Кстовского городского суда Нижегородской области от 03.10.2015 г., в котором суд, избирая Ежову В.Н., подозреваемому в совершении преступления, предусмотренного пунктом «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ, в качестве меры пресечения заключение под стражу, надлежащим образом проверил обоснованность подозрения Ежова В.Н. в совершении инкриминируемого ему деяния. Так, в данном постановлении судья указал, что «обоснованность подозрения Ежова в инкриминируемом ему преступлении подтверждена представленными материалами, а именно показаниями потерпевшего Ежова Д.А., показаниями свидетеля Калашниковой А.И., протоколами осмотра места происшествия от 29.09.2015 г. и 30.09.2015 г., справкой Кстовской ЦРБ о наличии телесных повреждений у потерпевшего» [9]. Другим примером того же рода может выступать постановление Саровского городского суда Нижегородской области от 06.07.2015 г., в котором суд, избирая Чернышеву А.А. в качестве меры пресечения заключение под стражу, надлежащим образом проверил и обосно-

вал в постановлении подозрение Чернышева в совершении инкриминируемого ему деяния. В данном постановлении судья указал, что «помимо явок с повинной, причастность Чернышева к инкриминируемым ему преступлениям подтверждается протоколом допроса Чернышева, в качестве подозреваемого, протоколом проверки его показаний на месте, протоколами осмотра места происшествия, допроса свидетелей и потерпевших» [10].

В связи с анализируемым стандартом нельзя не упомянуть о том, что ЕСПЧ неоднократно отмечал недопустимость шаблонности мотивировки постановлений об избрании / продлении содержания под стражей [11. § 70]. Так что в продолжение темы о стандарте обоснованности надо специально отметить, что одно лишь упоминание в судебном решении оснований, перечисленных в ст. 97 УПК РФ, в отсутствие ссылки на конкретные факты и доказательства, обосновывающие эти основания, свидетельствует о его незаконности и необоснованности.

Действие этого стандарта мы можем проиллюстрировать следующими примерами из практики. Так, постановлением судьи Семеновского районного суда Нижегородской области от 15.05.2015 г. подсудимому Качалову А.А. продлен срок содержания под стражей на два месяца. Отменяя данное постановление, апелляционная инстанция обратила внимание на то, что суд не исследовал в судебном заседании материалы уголовного дела, необходимые для принятия решения о продлении срока содержания под стражей, которые свидетельствовали бы о реальной возможности совершения им действий, указанных в ст. 97 УПК РФ, и невозможности беспрепятственного осуществления уголовного судопроизводства посредством применения в отношении него иной меры пресечения, а также не заслушал по данному вопросу государственного обвинителя, подсудимого, защитника и явившихся в судебное заседание потерпевших. Апелляционным постановлением Нижегородского областного суда от 15.05.2015 г. данное постановление суда первой инстанции отменено, принято новое решение о продлении подсудимому Качалову А.А. срока содержания под стражей на два месяца, т.е. по 25.06.2015 г. включительно [12].

Продолжая тему об *обоснованности обвинения*, следует отметить, что судья не только может, но и должен рассматривать доказательства при решении вопроса о мере пресечения. В противном случае участие судьи в решении этого вопроса теряет смысл. Роль судьи состоит не только в проверке формальной законности заключения под стражу, включая возможность применить его в связи с обвинением по определенной статье УК РФ, на которую ссылается следователь в своем ходатайстве, такую меру пресечения. Несомненно, судья обязан убедиться, что по данному обвинению может быть применено заключение под стражу, что у задержанного нет статуса одного из лиц, указанных в статье, что срок его содержания под стражей не превысил допустимых пределов и т.д. Однако этим функции суда не исчерпываются. Судье следует рассмотреть доказательства, которые есть в

деле, и решить, достаточно ли их для «разумного подозрения» против лица, которое предполагается взять под стражу [2. С. 272].

В постановлениях от 30.08.1990 г. по делу «Фокс, Кэмбэлл и Хартли против Соединенного Королевства», от 28.10.1994 г. по делу «Мюррей против Соединенного Королевства», от 19.05.2004 г. по делу «Гусинский против России» ЕСПЧ признал, что подозрение как необходимое основание заключения под стражу должно базироваться на фактах и информации, убеждающей объективного наблюдателя в причастности подозреваемого к совершению преступления.

Пленум Верховного Суда РФ № 41 обратил внимание на то, что в постановлении о рассмотрении ходатайства в порядке ст. 108 УПК РФ суду следует дать оценку обоснованности подозрения в совершении лицом преступления, а также наличию оснований и соблюдению порядка задержания подозреваемого (ст. 91 и 92 УПК РФ); наличию предусмотренных ст. 100 УПК РФ оснований для избрания меры пресечения до предъявления обвинения и соблюдению порядка ее применения; законности и обоснованности уведомления лица о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 223.1 УПК РФ; соблюдению порядка привлечения лица в качестве обвиняемого и предъявления ему обвинения, регламентированного гл. 23 УПК РФ.

При этом появилось представление о том, что недопустимо при разрешении ходатайств органов предварительного расследования об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, которым предъявлено обвинение, утверждать, что проверяется обоснованность не подозрения, а обвинения. Иными словами, судам ставятся в упрек любые формулировки, прямо или косвенно указывающие на то, что проверялась «обоснованность обвинения», «совершения преступления» и пр. В решениях о заключении под стражу допустимо обсуждать тему об обоснованности не обвинения, а исключительно подозрения: в проверку обоснованности обвинения судья не может входить, так как тем самым якобы порождается угроза предрешиения вопроса о виновности. Иными словами, суду при избрании меры пресечения

в виде заключения под стражу как в отношении подозреваемого, так и в отношении обвиняемого необходимо проверять лишь обоснованность подозрения в совершении лицом инкриминируемого ему деяния.

Таким образом, на настоящий момент сложилось такое понимание данного стандарта, что проверять обоснованность обвинения суд на данной стадии уголовного судопроизводства не вправе, поскольку не должен предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по уголовному делу, в том числе и об обоснованности обвинения. Иное поставило бы под угрозу самостоятельность и независимость суда, рассматривающего уголовное дело по существу. С этой позиции вышестоящим судом и оцениваются решения судов о заключении под стражу.

Приведем характерный пример применения данного стандарта. Дзержинский городской суд Нижегородской области в постановлении от 10.12.2015 г., избирая обвиняемому Бочкареву В.С. меру пресечения в виде заключения под стражу [13], в обоснование принятого решения сослался на то, что «Бочкарев В.С. совершил преступление, предусмотренное ст. 161 ч. 2 п. «г» УК РФ – грабеж, то есть открытое хищение чужого имущества с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья», тем самым вошел в обсуждение вопроса о доказанности инкриминируемого Бочкареву деяния, что на данном этапе расследования недопустимо. Апелляционным постановлением Нижегородского областного суда от 31.12.2015 г. данное постановление суда первой инстанции изменено, вышеуказанная формулировка из описательно-мотивировочной части постановления исключена [14].

Итак, судебные контрольные инстанции выработали применяемый на практике стандарт (исходя из международно-правового стандарта «обоснованности / доказанности подозрения»), согласно которому обсуждение в постановлении о мере пресечения вопроса о виновности лица в совершении инкриминируемого ему деяния является существенным нарушением уголовно-процессуального закона и является основанием для отмены (изменения) этого постановления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление ЕСПЧ от 15.07.2002 г. по делу «Калашников против Российской Федерации», жалоба № 47095/99 // СПС Консультант-Плюс.
2. Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под. ред. Т.Г. Моршковой. М.: Мысль, 2012. 584 с.
3. Постановление ЕСПЧ от 10.01.2012 г. по делу «Ананьев и другие (Ananyev and Others) против Российской Федерации», жалобы № 42525/07, 60800/08 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2012. № 8. С. 7, 96–152.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2004(2005) № 5(4)-П // Собрание законодательства РФ. 2005. № 14. Ст. 1271.
5. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1981. 136 с.
6. Никонов М.А. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу: правовые позиции ЕСПЧ и КС РФ // Уголовный процесс. 2006. № 4. С. 50–61.
7. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и комментарии к ней / А.С. Александров, И.А. Александрова и др. М.: Юрлитинформ, 2015. 304 с.
8. Дело № 1-217/2015. URL: <http://borsky.nnov.sudrf.ru/>
9. Уголовное дело № 1-359/2015 (1-33/2016). URL: <http://kstovsky.nnov.sudrf.ru/>
10. Архив Саровского городского суда Нижегородской области
11. Постановление ЕСПЧ от 03.03.2011 г. по делу «Царенко (Tsarenko) против Российской Федерации», жалоба № 5235/09 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2012. № 4. С. 8, 66–79.
12. Дело № 1-48/2015. URL: <http://semenovsky.nnov.sudrf.ru/>
13. Архив Дзержинского городского суда Нижегородской области. URL: <http://dzerginsky.nnov.sugrf.ru/>
14. Уголовное дело № 22-6823/2015. URL: <http://oblsudnn.ru/>

Статья представлена научной редакцией «Право» 21 июня 2016 г.

CERTAIN ASPECTS OF THE INTERNATIONAL LEGAL STANDARD OF THE VALIDITY OF THE COURT DECISION ABOUT THE DETENTION OF THE ACCUSED (SUSPECTED)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 167–170.

DOI: 10.17223/15617793/409/28

Alexander O. Zaytsev, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russian Federation). E-mail: zaytsev.aleksander@bk.ru

Keywords: detention; reasonable suspicion; validity of suspicion; international legal standard; positions of the European Court of Human Rights.

The court and parties take a different part in deciding the issue about detention. The degree of participation varies on the different stages of criminal proceedings. The main difference is the initiation of the application of this preventive measure. The article characterizes a standard based on international legal standards standard that determines modern jurisprudence in this area. The components of this standard are: the inadmissibility of the defendants' detention without a judicial decision; judge's duty to check whether the set term expires and grounds for changing the preventive measure; the decision about the preventive measure should be taken as a result of a court hearing involving the parties and the investigation of evidence presented by the prosecution and by the defense. It is noted that effective application of this standard is possible if there is a mechanism of legal regulation of relations arising from the court's decision on the preventive measure in the form of detention. The author examines several elements of this mechanism. Firstly, it is the general position of the court and the legal model of its activities. The impartiality and independence of the court are fundamental principles of this element. The article analyzes the thesis of the court's activity, the court's initiative in deciding on detention and its activity in the proving. It is noted that the court has the right to initiate legal proceedings to use detention. This thesis is one of the actual national standards. It is not directly fixed in international legal standards. Secondly, the author focuses on the institute of the removal of judge. Any circumstance that questions the impartiality of the judge is a ground for the rejection of the judge's participation in the criminal proceedings. Art. 61 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation establishes common grounds for removal of participants in criminal proceedings. The judge should abstain from making any estimates and conclusions on the criminal case. The participation of judges in the proceedings is not valid, if it is associated with the previously estimated circumstances of the case. The position of the ECHR and the existing judicial practice confirm this position. Thus, objectivity and impartiality of the court has particular importance and are a guarantee against unwarranted restrictions of rights and freedoms of the accused.

REFERENCES

1. SPS Konsul'tantPlyus. (2002) ECHR *Resolution of 15.07.2002 on the case "Kalashnikov v Russian Federation"*, complaint 47095/99. (In Russian).
2. Morshchakova, T.G. (ed.) (2012) *Standarty spravedlivogo pravosudiya (mezhdunarodnye i natsional'nye praktiki)* [Fair trial standards (international and national practice)]. Moscow: Mysl'.
3. Bulletin of the European Court of Human Rights. Russian edition. (2012) Postanovlenie ESPCh ot 10.01.2012 g. po delu "Anan'ev i drugie (Ananyev and Others) protiv Rossiyskoy Federatsii", zhaloby №42525/07, 60800/08 [ECHR resolution of 10.01.2012 in the case "Ananyev and Others v. Russia", complaints N 42525/07, 60800/08]
4. Russian Federation. (2005) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 22.03.2004(2005) № 5(4)-P [The decision of the RF Constitutional Court of 22.03.2004 (2005), N 5 (4)-P]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 14. Art. 1271.
5. Zinatullin, Z.Z. (1981) *Ugolovno-protsessual'noe prinuzhdenie i ego effektivnost'* [Criminal procedure compulsion and its effectiveness]. Kazan: Kazan State University.
6. Nikonov, M.A. (2006) *Primenenie mery presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu: pravovye pozitsii ESPCh i KS RF* [The use of a preventive measure in the form of custody: legal positions of the ECHR and the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Ugolovnyy protsess*. 4. pp. 50–61.
7. Aleksandrov, A.S. et al. (2015) *Doktrinal'naya model' ugolovno-protsessual'nogo dokazatel'stvennogo prava RF i kommentarii k ney* [Doctrinal model of the criminal procedure law of evidence of the Russian Federation and the comments to it]. Moscow: Yurлитinform.
8. Case 1-217/2015. [Online] Available from: <http://borsky.nnov.sudrf.ru/>. (In Russian).
9. Criminal case 1-359/2015 (1-33/2016). [Online] Available from: <http://kstovsky.nnov.sudrf.ru/>. (In Russian).
10. Archive of Sarov City Court of Nizhniy Novgorod Oblast. (In Russian).
11. Bulletin of the European Court of Human Rights. Russian edition. (2012) Postanovlenie ESPCh ot 03.03.2011 g. po delu "Tsarenko (Tsarenko) protiv Rossiyskoy Federatsii", zhaloba № 5235/09 [ECHR resolution of 03.03.2011 in the case "Tsarenko v. Russia", complaint 5235/09]. *Byulleten' Evropeyskogo suda po pravam cheloveka. Rossiyskoe izdanie*. 4. pp. 8, 66–79.
12. Case 1-48/2015. [Online] Available from: <http://semenovsky.nnov.sudrf.ru/>. (In Russian).
13. Archive of Dzerzhinsk City Court of Nizhniy Novgorod Oblast. [Online] Available from: <http://dzerginsky.nnov.sugrf.ru/>. (In Russian).
14. Criminal case 22-6823/2015. [Online] Available from: <http://obsudnn.ru/>. (In Russian).

Received: 21 June 2016